

Посвящается, разумеется, мне

Всю жизнь мечтал стать рок-музыкантом, но напора, авантюризма и наглости хватило только на написание текстов для чтения со сцены и исполнения их милосердной и терпеливой публике. Но несбывшееся желание хуже кариеса. Рано или поздно придется с ним разбираться. Музыкального образования у меня нет, голоса тоже, слух в пределах физиологической необходимости. Так что никаких шансов. Но. Можно оформить книгу как альбом! Не тот, что с фотографиями, как вы понимаете, а тот, что у культовых групп. Поэтому в содержании треки и бонус-треки. Каждый рассказ мне видится композицией, вот такие болезненные иллюзии. Надо было все-таки на фортепьяно научиться играть. Да что жалеть.

Называется альбом «Полузащитник Родины». Песни в нем разные — веселые и грустные, легковесные и с претензией, хиты и просто достойные прослушивания, в смысле прочитывания. (Про хиты — это я оптимистично-самонадеянно.) Понравится — приходите послушать эти истории в исполнении автора в театр. Тешу себя надеждой, что там-то они и раскрываются, как дорогое вино. Появляются оттенки и интонации. Ну или это опять иллюзии. Обсудим при случае.

INTRO. РОДИТЬСЯ В СТОЛИЦЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Родиться в столице Российской империи — это как родиться в обедневшей аристократической семье. Есть специфика.

Ну, во-первых, неотъемлемое право гордиться происхождением. Кто из петербуржцев не знает этого пьянящего чувства собственного превосходства в момент ответа на вопрос: «А вы где родились?» Особенно если задают его на какой-нибудь черноморской набережной в большой компании. Если вам повезло и вы с таким анамнезом один, вы моментально прибавляете в росте несколько сантиметров, а участие в общей беседе можете свести к редким кивкам

головой — и все равно будете ощущать себя магистром общей культуры и интеллектуальным ориентиром. Даже если в Мариинском театре были только один раз на вручении какой-нибудь светской премии, а школу закончить не решились и до сих пор не уверены, как все-таки правильно: Иран или Ирак. Вы все равно уже владеете тем, к чему многие идут всю жизнь.

Ты из Питера. Все. Жизнь удалась. Можно начать спиваться непосредственно в роддоме, но этого не пропешь.

Ты счастливеец по дефолту.

Есть, конечно, и минусы. Что бы ты там ни сотворил в жизни, по большому счету, переплюнуть это достижение будет сложно. Равно как и в ситуации, когда ты аристократ. Трудно гордиться собой, если фамилия у тебя, к примеру, Мальборо, прадедушка герцог, а ты... ну просто хороший менеджер по продажам. Так же и с городом. Любой «неленинградец» спросит тебя с пристрастием: «Ты есть ты родился в самом красивом городе на Земле, ходил по тем же улицам, что Пушкин с Набоковым, и ты просто руководитель отдела продаж? Ты серьезно? Да ты адов неудачник».

Ты обижен и пытаешься защититься:

«А что в этом такого?! Тут не все гении».

«Вот именно! Вот если бы я тут родился, то был бы как минимум президентом, а ты все спустил в Неву. Весь Божий дар».

Скукоживаешься и идешь увольняться, а потом топиться в Фонтанке. Хотя можно и без увольнения. К черту формальности. Зато, пуская последние пузыри, ты знаешь, что похоронят тебя... да-да, в Питере.

Далее из прирожденных опций — это снобизм. Есть, конечно, исключения, истинная интеллигенция, допускающая право происходить из другого города. Этот снобизм иногда дорого (а у петербуржцев всегда проблемы с деньгами) обходится. Ну не всякий досточтимый помещик или капиталист будет помогать тому, кто его считает более низкой ступенью эволюции. Приходится прятать снобизм до худших времен, когда терять нечего и можешь сказать все, что думаешь. И опять же высокие требования окружающих.

Все та же набережная Анапы. Вы представляетесь окружающим, информируете их о рождении на «берегах Невы», где они-то не родились

и не бродили. А вам в ответ: «Ну тогда в театр сегодня не пойдем, наш балтийский друг будет читать Бродского наизусть. Вы же все его знаете наизусть, так ведь?» Из Бродского вы знаете только «Ты еще жива, моя старушка», хотя не уверены, что это все-таки Бродский. Потом на чистом адреналине вспоминаете что-то про убийство на Васильевском острове или о смерти там же, ну хоррор, короче, какой-то. После такого провала вас изгоняют из шашлычной с привычным уже аккомпанементом: «Какого же хрена ты там родился, если Бродского не выучил! Зелень ты болотная!» Согласитесь, похоже на пытки графа де ля Фер знанием Аристотеля. Назвался графом — изволь в кузов с Википедией.

Но закончим положительным моментом. Равно как и благородный отпрыск всегда может, не достигнув за морем успеха, вернуться в отчий дом и спокойно допивать свой век под сенью фамильных дубов, так и родившийся в бывшем Ниеншанце (кто не знает, на «берегу пустынных волн» без всяких признаков упадка до Петербурга был шведский город, но об этом не принято вспоминать, не патриотично) может в

любой момент уехать в любую точку мира и не переживать, что назад дороги нет. Согласитесь, есть разница: свалить покорять Москву из деревни в Тамбовской, к примеру, губернии или с Итальянской улицы города на Неве. На Итальянскую улицу всегда можно вернуться и сказать: дескать, посмотрел я на вашу Москву, не мое, дыра дырой, вот-с и прибыл назад. Многие даже поверят. За такой же пассаж при возвращении в упомянутую выше деревню высмеют всей деревней.

И это только вершина аристократического айсберга. Нет времени на полноценное исследование, ибо живу в Москве и времени ни на что не хватает. В заключение хочу сказать: невероятно счастлив тем, что всеми предыдущими жизнями заслужил родиться там, мечтаю вернуться, но все оттягиваю этот счастливейший момент; могу, конечно, и оттянуть навсегда, но мечта же живет, мечта же существует.

*С уважением,
Александр де ля фон Петербург*

ТРАСК 1 / СВОБОДА ВОЛИ

ЧАСТЬ 1. СВОБОДА

Дверь на крышу открылась. Карина сразу увидела Савелия. Он держался за ограждение, стоя на очень узком парапете. Немного наклонился в сторону пропасти с асфальтовым дном, находящимся на сорок восемь этажей ниже. Карина резко ускорила шаг: никогда не знаешь, в какой момент самоубийца сделает свой. Последний.

Из-за сильного ветра прыгун не слышал, как она подошла.

— Э-э-э, мужик, стой! Меня подожди! — крикнула Карина, как будто хотела успеть в закрывающийся лифт.

— Что? — От такой обыденности Савелий только это и смог выговорить.

— Ну меня подожди, не прыгай один. — Карина параллельно доедала бургер, и это добавляло легкомысленности к ее и так достаточно хулиганскому образу: ветровка, худи, широкие джинсы, кеды и кепка. Савелий, наоборот, выбрал для своего последнего дня весьма торжественный лук. Брюки, подобие строгих ботинок, произведенных, очевидно, в каком-то подвале неподалеку, свитер, плащ, который ему скорее всего достался по наследству, — и шапка, похожая на ту, что мы видим в классических экранизациях историй о Шерлоке Холмсе.

Чтобы ответить Карине, воспитанный Савелий неуклюже развернулся: разговаривать спиной к собеседнику ему казалось невежливым. Учитывая, что все эти перемещения происходили на узком пространстве, он вынужден был крепко держаться за ограждение, чтобы не упасть.

Карина усмехнулась очевидному противоречию в действиях человека, вообще-то собиравшегося прыгнуть и оттого выглядевшего комичным в попытках удержаться.

Самое смешное, что Савелий и правда в этот момент думал не о предстоящей кончине, а о том, как соблюсти все приличия в разговоре с незнакомкой — и не уйти, не попрощавшись и не ответив на все заданные ему вопросы.

— Простите, я... я не понял... вы тоже хотите?

— Я не хочу, но если ты прыгнешь, то я тоже. Иначе как я себе это прощу?

Савелий наконец удобно устроился. Ощувив хотя бы какую-то стабильность, вступил в беседу, уже не отвлекаясь:

— Вы тут ни при чем. Просто уйдите, пожалуйста.

— Что значит — ни при чем? Это я потом Будде буду рассказывать, что ни при чем, и он меня реинкарнирует в жабу за то, что я тебе дала спокойно так нырнуть.

— Откуда вы взяли на мою голову! — стал сокрушаться Савелий. — Нас никто никуда не реинкарнирует, мы просто умираем — и все выключается.— Савелий произнес эту фразу и с грустью, и с надеждой одновременно.

— Это тебе кто такую чушь наплел? — Карина громко хлопала, всасывая через трубочку лимонад.

— Я это точно знаю. — Савелий стал похож на обиженного школьника.

— Ага, думаешь по-тихому свалить? Не, чувак, это не компьютерная игра. Ты вот сейчас прыгнешь, и те десять секунд, что ты летишь, и будут единственными десятью секундами твоей свободы. А потом все сначала.

Савелий о чем-то задумался, посмотрел вниз и с извиняющейся улыбкой сказал:

— Восемь.

— Что — восемь?

— Тут лететь восемь секунд.

Карина отметила какую-то особенную трогательность в общей нелепости ее нового знакомого. Даже голос у него был тихий, еле заметный, ненавязчивый. Карина подумала: наверное, таким голосом невозможно ни на кого накричать... да и в целом Савелий не производил впечатления человека, способного по-настоящему рассердиться, поэтому она решила особо не выбирать шутки и тональность:

— Ты что, прыгал уже? В прошлой жизни?
Савелий улыбнулся:

— Довольно смешная шутка. Нет, я в прошлый раз кинул вниз конфету и посчитал...